DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.1.137-146
УДК 39

И.Р. Атнагулов

Институт истории, филологии и иностранных языков
Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова
пр. Ленина, 114, Магнитогорск, 455038, Россия
E-mail: i.atnagulov@mail.ru

НАГАЙБАКИ: ОТ СОСЛОВИЯ К ЭТНОСУ (к вопросу о генезисе идентичности)

Нагайбаки – одна из групп тюркоязычного населения Южного Приуралья, своим происхождением связанная с крещеными татарами Среднего Поволжья, а также чувашами и, возможно, удмуртами и восточными марийцами. Главной причиной ее возникновения было создание в 1730-х гг. Оренбургского казачьего войска и различного рода инородческих казачьих подразделений в регионе. В отличие от калмыков, башкир и мещеряков, составивших самостоятельные войска, сформированные по этническому принципу, казаки-нагайбаки оказались вместе с русскими в составе Оренбургского казачьего войска. В силу ряда обстоятельств, связанных с государственной деятельностью по структурированию населения (христианизация, вхождение в состав казачьего сословия, географическая изоляция от ближайших этнических родственников), произошла трансформация нагайбакской идентичности от конфессиональной (крещенные татары) и сословной (татары-казаки) до собственно этнической (нагайбаки). История становления нагайбаков является наглядным примером того, как государственно-политический фактор влияет на появление новых идентичностей. У нагайбаков выработалось собственное самосознание, особенность которого в его многоуровневой структуре, где присутствуют географическая, конфессиональная и сословная составляющие. Все они отражены в комплексе этномаркирующих признаков феномена нагайбакской идентичности. В новейших публикациях, включая материалы последних двух переписей, из всей этнонимической номенклатуры нагайбаков фиксируется только одно название – «нагайбаки», являющееся, по сути, экзоэтнонимом. В данной статье рассматриваются вопросы формирования нагайбакской идентичности и актуального функционирования всех исторически сложившихся эндо- и экзоэтнонимов данной группы.

Ключевые слова: нагайбаки, этническая идентичность, этнонимы.

I.R. Atnagulov

Institute of History, Philology, and Foreign Languages, Magnitogorsk State Technical University,
Pr. Lenina 114, Magnitogorsk, 455038, Russia
E-mail: i.atnagulov@mail.ru

THE NAGAYBAKS: FROM SOCIAL STRATUM TO ETHNIC GROUP (the origins of ethnic identity)

The Nagaybaks are one of the Turkic-speaking groups of the Southern Urals, related to Christened Tatars of the Middle Volga, to Chuvash, and possibly to Udmurt and eastern Mari. The key factor in their origin was the emergence of Orenburg Cossack Host with a number of native troops in the 1730s. Unlike the Kalmyk, Bashkir, and Misher Tatar troops, which were ethnically homogeneous, the Nagaybaks served alongside Russian Cossacks. Owing to certain circumstances, specifically to the state policy of “organizing” the natives (Christening, recruiting for the Cossack Host, and geographic isolation from closest ethnic relatives), their ethnicity shifted from religious (“Christened Tatars”) and social (Tatar Cossacks) to ethnic proper (Nagaybaks). This case exemplifies the impact of state policy on the origins of new ethnic groups. Current Nagaybaks ethnicity includes geographic, religious, and social constituents. Recent scholarship and the last two censuses mention just one name, Nagaybaks, which, in essence, is an exoethnonym. This article discusses all exoethnonyms and endoethnonyms of that group.

Keywords: Nagaybaks, ethnic identity, exoethnonyms, endoethnonyms.

Предпосылки появления новой идентичности (политико-административный фактор)

Южное Приуралье в 1730-х гг. – первой трети XIX в., будучи приграничной территорией России, являлось также этнической границей между казахами и башкирами. Особенность этнополитической ситуации в регионе заключалась в том, что отношения между последними были напряженными, это также беспокоило немногочисленное русское население [Рычков, 1762, ч. I, с. 157]. Для наведения государственного порядка и освоения данной территории правительство осуществляло программу по русской колонизации края, для чего была организована Оренбургская экспедиция. Реализовывались две основные задачи: отделение башкир и казахов друг от друга путем строительства линии укреплений и включение казахов Младшего и Среднего Жузов в российское подданство с целью дальнейшего прямого выхода на рынки Средней Азии [Там же, с. 146–148]. Выполнение этих задач сопровождалось строительством крепостей не только по внешней линии, но и во внутренних уездах – вокруг башкирских земель с целью усмирения бунтующих. На Оренбургскую и другие линии переселяли различные группы казаков – русских и крещеных инородцев. Они составляли служилое население вновь основанных крепостей. В формировавшееся Оренбургское казачье войско входили казаки других – яицкого, самарского, уфимского, сибирского, а также прочее население, поверстанное в казачество [Старилов, 1891, с. 75]. Одной из таких групп были т.н. уфимские новокрещеные. В нее входили и старокрещеные казанские татары, которых в 1736 г. определили в казачье сословие и поселили в Нагайбакской крепости, с. Бакалы и ряде окрестных деревень [Рычков, 1762, ч. II, с. 206–208]. В результате данной акции часть этого населения сословно отделилась от остальных соплеменников – крещеных татар, не включенных в казачье сословие. Дальнейшее пребывание в Оренбургском казачьем войске привело к тому, что они оказались, во-первых, в сословной изоляции от ближайших родственников, во-вторых, даже согласно новому административному делению войска, не вошли в состав соединений, состоявших исключительно из тюркского населения – башкир, мещеряков и тептярей. Такая ситуация оказала влияние на развитие самоидентификации нагайбаков.

Генезис, структура и динамика нагайбакских идентичностей

Формирование нагайбаков происходило в процессе сложных этнических контактов в Среднем Поволжье и Восточном Закамье начиная со второй половины XVI в. и до первых десятилетий XIX в. Их этниче-

ским субстратом можно считать тюркоязычную среду, состоявшую в основном из старокрещеных казанских татар – т.н. кряшен. Среди них могли быть ногайцы, служившие в Казани [Исхаков, 1995, с. 6–7]. Одна из основных групп, составивших этнический субстрат нагайбаков, – закамские кряшены – формировалась в Уфимской пров. Казанской губ. с середины XVII в., когда была проведена Закамская линия (1652–1656 гг.) [Там же, с. 12]. Переселение сюда предков нагайбаков шло в общем потоке движения кряшенского населения из Заказанья, Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губ. Среди них были арские служилые татары, которые, вероятно, и имели этнические связи с ногайцами [Там же, с. 7]. Поселившись в Восточном Закамье, они вступали в контакты с местным новокрещеным населением (уфимскими новокрещеными), включавшим как татар, так и другие группы (чуваши, восточных марийцев, закамских удмуртов). Тесные контакты последних с татарами подтверждаются этнографическими материалами (ПМА*, Башкортостан, Бакалинский р-н, 2010 г.). Данные группы можно определить как суперстратный слой в этногенезе нагайбаков. Христианизация этого населения – первый исторический фактор, повлиявший на формирование комплекса этноидентифицирующих признаков будущих нагайбаков. Таким образом, первый период в истории формирования данной группы хронологически соответствует 1552–1736 гг.

Второй период этнической истории нагайбаков был связан с вхождением уфимских новокрещеных в состав казаков. Это событие изменило этническую картину в бассейне р. Ик. Во-первых, в Нагайбакской крепости, с. Бакалы и других близлежащих населенных пунктах произошла консолидация групп кряшенского, чувашского и другого населения на базе казачьего сословия с усвоением общего самоназвания экзогенного происхождения – «казаки» или «старокрещеные татары-казаки» [Исхаков, 1995, с. 9]. Во-вторых, в силу принадлежности к казачьему сословию началось естественное их отдаление от родственного неказачьего населения края, а из опасения мусульманского влияния из нагайбакских населенных пунктов административными мерами были удалены все некрещеные татары [Витевский, 1897, с. 441–442]. В-третьих, в этот подготовленный социум влилось несколько десятков выходцев из Средней Азии, принявших в Оренбурге христианство [Рычков, 1762, ч. I, с. 191–192]. Данный компонент в составе нагайбаков некоторое время был заметен, потому и отмечался наблюдателями [Журнал..., 1770, с. 68–69; Георги, 1776; Записки..., 1821, с. 146–147; Записки..., 1824, с. 260]. Он не повлиял на культуру нагайбаков, но сохранил

*ПМА – полевые материалы автора.

свое присутствие в номенклатуре нагайбакских фамилий [Бектеева, 1902, с. 166]. До 1843 г. этот полиэтнический конгломерат, возможно, и не гомогенизировался полностью, однако обрел общее сословное самосознание, а также единый язык и культуру, унаследованные от местного кряшенского субстрата. Весьма вероятно, что параллельно с названиями «казаки», «старокрещенные татары-казаки» (табл. 1) использовалось обозначение «нагайбаки» [Даль, 2000, с. 23 (статья «Армяк»)]. Во всяком случае, в 1843 г. в Южное Зауралье они прибыли как «казаки-нагайбаки» или просто «нагайбаки» [Небольсин, 1852, с. 21]. Главное событие второго периода – переход в казачье сословие – определило на будущее еще один этноидентифицирующий признак. Нагайбакские казаки в это время по социальному статусу были сословной группой в составе кряшен Восточного Закамья.

Образование Новолинейного р-на в 1830-х гг. явилось завершающим актом казачьей колонизации Южного Приуралья – освоения его зауральской части. Это изменило ландшафт и этнический состав населения края. Русские, нагайбаки и калмыки – три основных этноса, составившие казачье население региона [Правила..., 1843, с. 34–39] (табл. 2), а из неказачьего самый заметный – казахи. Здесь нагайбаки создали три относительно изолированные географические группы – троицкую, верхнеуральскую и оренбургско-орскую. Из них к началу XX в. нагайбакскую идентичность сохранили две первые. Верхнеуральская оказалась наиболее крупной и к началу XXI в. имела численность примерно на прежнем уровне.

Верхнеуральские нагайбаки в XIX в. основали шесть почти моноэтнических поселков. Это позволило им сохранить этническое своеобразие. В то же

Таблица 1. Этносословные группы в населенных пунктах нагайбаков (1795 г.)*

Населенный пункт	Этносословные группы	Численность	
		Мужчины	Женщины
Нагайбакская крепость	Казаки	139	122
	Отставные солдаты, помещичьи крестьяне, ясачные новокрещенные татары и тепляри	146	150
Бакалы	Старокрещенные татары-казаки	148	160
	Тепляри, ясачные крестьяне, приписанные к заводу, и церковнослужители	64	58
Старое Костеево	Старокрещенные татары-казаки	66	120
Шершелы	Крещенные казаки	137	179
	Ясачные крестьяне, приписанные к заводу	72	49
Балыклы	Татары-казаки	60	63
	Ясачные тепляри, ясачные крестьяне, приписанные к заводу	36	24
Старые Маты	Татары-казаки	81	53
	Новокрещенные тепляри	19	11
Старое Килеево	Старокрещенные татары-казаки	110	136
Старое Умерово	То же	88	95
Новое Умерово	Старокрещенные татары, ранее приписанные к Петровскому заводу	63	46
	Ясачные татары	64	58
Старое Зияшево	Старокрещенные татары-казаки	179	233
Новое Юзеево	То же	70	71
	Старокрещенные ясачные татары, старокрещенные татары-тепляри, ясачные тепляри	107	126
Старые Усы	Старокрещенные татары-казаки	13	44
Ахманово	То же	74	65
	Старокрещенные татары-бобыли, ясачные крестьяне	20	7
Старое Иликово	Старокрещенные татары-казаки	141	125
Всего**		1 897	1 995

*Составлено по: [Исхаков, 1995, с. 9].

**Подсчитано нами.

Таблица 2. Сословно-этнический состав нагайбакских станиц в 1843 г.*

Станица	Калмыки	Русские	Нагайбаки	Всего
Кассель	29	–	200	229
Остроленка	19	–	200	219
Фершампенуаз	–	–	350	350
Париж	32	–	300	332
Требия	–	–	200	200
Арси	95	205	–	300
Куликовская	41	167	–	208

*Составлено по: [Правила..., 1843, с. 34–37].

Таблица 3. Три наиболее многочисленных этноса Нагайбакского р-на по данным переписи населения 2002 г.*

Этнос**	Населенный пункт	Численность
Русские (10 239 чел.)	Фершампенуаз, с.	1 951
	Арсинский, пос.	1 066
	Северный, пос.	612
	Нагайбакский, пос.	589
	Гумбейский, пос.	547
	Прочие	5 474
Нагайбаки (7 394 чел.)	Париж, с.	1 676
	Остроленка, с.	1 621
	Фершампенуаз, с.	1 552
	Кассель, с.	918
	Астафьевский, пос.	252
	Кужебаевский, пос.	181
	Требиятский, пос.	138
	Чернореченский, пос.	84
	Подгорный, пос.	72
	Прочие	900
Казахи (3 445 чел.)	Арасламбаевский, пос.	327
	Кужебаевский, пос.	181
	Придорожный, пос.	147
	Куропаткинский, пос.	142
	Подгорный, пос.	137
	Петровский, пос.	136
	Совхозный, пос.	128
	Прочие	2 247

*Рассчитано по: [Всероссийская перепись населения 2002 г., табл. 2].

**Указана численность в районе, включая пгт Южный.

время они вступили в контакты с русскими из соседних станиц [Бектеева, 1902, с. 166], что усилило тягу к православному христианству. Этому способствовало и административное деление казачьих земель, в соответствии с которым все нагайбакские поселки подчинялись разным русским станицам. Другими соседями стали казахи, с ними нагайбаки также вступали в контакты [Там же]. И наконец, в селах Париж и Фершампенуаз были поселены калмыки бывшего Ставропольского казачьего войска [Правила..., 1843, с. 34]. Незначительная их часть была ассимилирована нагайбаками (ПМА, с. Париж), а остальные в 1920-х гг. переселились в Нижнее Поволжье.

К началу 1930-х гг. в Нагайбакском р-не сложилась сеть населенных пунктов, которые по этническому признаку можно разделить на три группы – нагайбакские, русские и казахские (табл. 3). Именно к этому времени фактор географической изоляции от татар и нахождения среди русских оказал решающее воздействие на формирование новой идентичности. Развитие данной части фундамента идентичности происходило одновременно с дальнейшими изменениями этнической культуры.

Становление нагайбаков в XX – начале XXI в. шло в условиях промышленного и сельскохозяйственного освоения региона. В связи с этим необходимо отметить следующие факторы формирования нагайбакской идентичности. Во-первых, утратив сословный статус, нагайбаки почти сразу обрели новый – были признаны государством как этнос, что и зафиксировано в 1926 г. [Список..., 1928, с. 38–42]. Во-вторых, в результате административной реформы нагайбакские поселения перешли из подчинения Оренбургской в состав Челябинской губ., затем Уральской обл., а в 1927 г. в составе Троицкого окр. этой области был создан Нагайбакский р-н. В-третьих, в связи с освоением целины изменился этнический состав населения: рядом с нагайбаками появились поселки, основанные переселенцами из европейской части России. Особенностью этнической ситуации в районе стало то, что нагайбаки оказались в некотором роде связующим культурным звеном между тюрками (казахами) и славянами (русскими), т.е. создалась ситуация этнического симбиоза.

В Нагайбакском р-не в 2002 г. проживало 7 394 нагайбака (табл. 3), что составляет 78 и 74 % от их численности в Челябинской обл. и России соответственно*. Примерно такая же картина, при небольшом снижении численности нагайбаков как в Нагайбакском р-не, так и по России в целом, сохранилась и в 2010 г.** Нагайбаки бывшего Троицкого уезда вошли в состав

*Подсчитано по: [Всероссийская перепись населения 2002 г.].

**Подсчитано по: [Всероссийская перепись населения 2010 г.].

в основном Чебаркульского р-на. Жители Нагайбакского р-на собственную этническую идентичность транслируют более выражено, чем Чебаркульского, используя несколько отличную этнонимическую номенклатуру. Например, чаще употребляется этноним «нагайбаки», а обозначение «русские» в качестве эндоэтнонима недопустимо, что не характерно для чебаркульской группы, где ассимиляционные процессы проявились сильнее (ПМА, с. Фершампенуаз, д. Попово, 2014 г.).

Нагайбаки бывшего Верхнеуральского уезда, оказавшись с 1927 г. в одном административном районе, названном в соответствии с официально утвержденным этнонимом, получили возможность сохранения этнической идентичности. Несмотря на запрет использования этнонима «нагайбаки» в документах с конца 1930-х гг., групповое единство оставалось и, вероятно, со временем усиливалось. Запретив употребление этнонима, власть почему-то не изменила название района, что также повлияло на сохранение этнического самосознания. К началу 1990-х гг. оказалось, что группа «крещеных татар» Челябинской обл. не приемлет татарскую идентичность, в связи с чем впервые после 1926 г. вопрос был поднят вновь в общественно-политической и научной сферах. По нашему мнению, продолжительное пребывание нагайбаков в составе национально-административного образования явилось дополнительным существенным фактором, повлиявшим на этническую самоидентификацию. Следует признать наличие еще одного этноидентифицирующего признака нагайбаков – ощущения этнической родины, очерченной вполне конкретными административными границами.

Трансформации материальной культуры и современное этническое самосознание

В процессе исследования нагайбакской идентичности привлекались этнографические материалы, от-

ражающие хозяйство, жилища, одежду и систему питания. Изучение материальной культуры нагайбаков проводилось в основном по ее состоянию на вторую половину XIX – начало XX в. [Атнагулов, 2007а]. Этот хронологический промежуток является наиболее удобным для исследования архаичных пластов, поскольку именно тогда российская этнографическая литература переживала подъем, сопровождавшийся множеством публикаций на хорошей научной основе, развивалось музейное дело. Результаты, полученные в то время, позволяют реконструировать материальную культуру более ранних периодов. Вместе с тем увлеченность некоторых современных коллег этнографией тех лет без учета изменений, произошедших за последнее столетие, приводит к ошибочным выводам. Появляются заключения, в которых элементы народной культуры систематизируются по состоянию на вторую половину XIX в., но при этом предлагаются выводы по этнической характеристике изучаемой группы применительно к настоящему времени.

Источниковая база, использованная при изучении материальной культуры второй половины XIX – начала XX в., основывается на литературных материалах, архивных данных и музейных коллекциях. Инновационные изменения, произошедшие за последние примерно 100 лет, наблюдались непосредственно или зафиксированы со слов информаторов.

Хозяйство нагайбаков к началу XX в. сложилось в виде земледельческо-животноводческого комплекса с преобладанием пашенного земледелия и развитым пастбищно-стойловым скотоводством [Там же, с. 164]. В конце XX – начале XXI в. отмечается заметная дифференциация населения по профессиональной принадлежности и занятости (табл. 4). Это связано с повышением общего уровня образования и возможностей профессиональной подготовки (табл. 5), увеличением численности состоящих на государственной службе, работающих в области образования, культуры, сферы обслуживания, торговли и т.п.

Таблица 4. Социально-профессиональная структура нагайбаков в трех селах Челябинской обл., %*

Социально-профессиональная группа	Остроленка		Фершампенуаз		Париж	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Учащиеся	12	18	17	16,5	17	23
Рабочие	60	17,5	42,5	15,5	45	11
Служащие	12	32	20	40	13	22
Пенсионеры	8	11,5	11	16	22	35
Работающие в частном секторе, домохозяйки	8	21	9,5	12	3	9

*Составлено по ПМА, с. Остроленка, 2005 г., с. Фершампенуаз, 2007 г., с. Париж, 2006 г.

Таблица 5. Уровень образования нагайбаков в трех селах Челябинской обл., %*

Уровень образования	Остроленка		Фершампенуаз		Париж	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Неграмотные	0	1	4	4	0	1
Малограмотные	2,5	2	6	8	4	2
Начальное	4,5	5,5	6,5	6,5	13	21
Неоконченное среднее	18	19	13	16	16	24
Среднее общее	33	22	22	17	16	14
Среднее специальное	26,5	32	22	27,5	42	25
Неоконченное высшее	5,5	4,5	9,5	5,5	4	6
Высшее	10	14	17	15,5	5	7

*См. примеч. к табл. 4.

Материальная культура нагайбаков по мере своего развития подвергалась неизбежным изменениям. Они касались всех аспектов, но, по-видимому, в разной степени. Из рассмотренных разновидностей материальной культуры наиболее консервативной является система питания. За прошедшее столетие ее основа, определяющаяся соотношением пищи животного и растительного происхождения, соразмерностью использования в растительном сегменте зернового и садово-огородного сырья, номенклатурой обязательных празднично-ритуальных блюд и т.п., принципиальных изменений не претерпела. Инновации коснулись ассортимента употребляемых продуктов, который несколько расширился, преимущественно за счет товаров, приобретенных в магазинах, и некоторых способов термической обработки повседневной и праздничной пищи. Ритуальная кухня в основном продолжает сохранять исторически сложившийся регламент (ПМА, с. Остроленка, 2000 г.) [Там же, с. 150–152].

На втором месте по степени сохранения традиций в материальной культуре находится строительство. Еще в конце 1990-х – начале 2000-х гг. постройки нагайбакских сел в подавляющем большинстве по своим конструктивным особенностям и строительным материалам соответствовали сооружениям конца XIX – начала XX в. [Атнагулов, 2004]. Изменения касались в основном кровли, некоторых элементов внешнего оформления, внутреннего убранства и др. (ПМА, села Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Кассель, Требия, 1998–2001 гг.) [Атнагулов, 2007а, с. 117–119]. В течение последнего десятилетия появились дома из кирпича и шлакоблока с применением современных отделочных материалов. Многие срубные дома обкладываются кирпичом, обшиваются различными видами сайдинга, устанавливаются пластиковые стеклопакеты и т.п. В соответствии с материальным достатком изменяется и внутреннее убранство домов. В с. Париж исчезают хозяйственные постройки

из природного камня. Неизменными остаются планировки усадьбы и жилого помещения, которое может увеличиваться за счет пристроек (ПМА, села Фершампенуаз, Париж, 2014 г.).

Наибольшую модернизацию претерпела одежда. Еще чуть более 100 лет назад женский комплекс оставался локальным вариантом кряшенского. Он сформировался в Восточном Закамье, где имел общерегиональные черты, а в начале XX в. вышел из употребления [Там же, с. 137]. Повседневная и праздничная одежда на протяжении XX в., как и у большинства населения страны, развивалась под влиянием продукции отечественной и зарубежной легкой промышленности.

Материальная культура нагайбаков и в предыдущие времена, несомненно, находилась в состоянии непрерывной трансформации, ибо это закономерно. До 1842 г. она формировалась на базе кряшенской. Затем до начала XX в. инерция сохранялась, но русское влияние уже усиливалось. В течение прошлого столетия динамика изменений в материальной культуре нагайбаков стала еще более интенсивной.

Общественно-политические реалии XX в. не только не смогли ликвидировать этническое самосознание нагайбаков, но и способствовали его сохранению, а затем и возрождению в конце 1980-х гг. Об уровне этнического самосознания в постсоветский период говорит состояние различных элементов традиционной культуры, диагностика и мониторинг которых были проведены в 2000-х гг. [Атнагулов, 2006, 2007б]. Резюмируя все результаты анкетирования, предлагаем некоторые тезисы по данному вопросу.

Во-первых, степень сохранности основных элементов традиционной культуры нагайбаков велика в старших возрастных группах (выше 60 лет) и снижается с каждой нисходящей. Например, по пунктам «использование родного языка» (табл. 6) и «принадлежность к православию» (табл. 7) в средних и младших возрастных группах количество положительных

Таблица 6. Использование нагайбаками родного и русского языков в различных ситуациях, %*

Общение	Остроленка (N = 598 чел.)			Фершампенуаз (N = 792 чел.)			Париж (N = 752 чел.)		
	Преимущественно нагайбакский	Нагайбакский и русский	Преимущественно русский	Преимущественно нагайбакский	Нагайбакский и русский	Преимущественно русский	Преимущественно нагайбакский	Нагайбакский и русский	Преимущественно русский
С родителями	24	48	28	9,5	42	48	56	19	25
С супругами	19	49	32	9	41	50	50	36	14
С братьями, сестрами	15	54	31	15	39	46	37	32	31
С детьми	15	47	38	13,5	48,5	38	22	17	61
С друзьями	11,5	60	28,5	2,5	44,5	53	30	27	43
На работе	9	53	38	0	43	57	32	25,5	42,5

*См. примеч. к табл. 4.

Таблица 7. Религиозная ситуация у нагайбаков в трех селах Челябинской обл., %*

Возрастная группа	Остроленка			Фершампенуаз			Париж		
	Атеисты	Православные	Колеблющиеся	Атеисты	Православные	Колеблющиеся	Атеисты	Православные	Колеблющиеся
70 и старше	27,5	72,5	0	26	66,5	7,5	52	35,5	12,5
60–69	18	68	14	29	55,5	15,5	47	50,5	2,5
50–59	22	71	7	26	52,5	21,5	57	41	2
40–49	27,5	66	6,5	20,5	56,5	23	57	43	0
30–39	23	70	7	22	64,5	13,5	44,5	55,5	0
20–29	16	75	9	16	73	11	51,5	48,5	0
10–19	13	79,5	7,5	13	70	17	32	68	0
До 10	12,5	87,5	0	0	100	0	0	100	0

*См. примеч. к табл. 4.

ответов в разных населенных пунктах составляет 50 % и менее [Там же]. Во-вторых, отмечается наибольшая приверженность к традиционной культуре в с. Париж, где процент нагайбаков самый высокий, и наименьшая в с. Фершампенуаз со смешанным этническим составом населения. В-третьих, несмотря на стремительную утрату ряда этноидентифицирующих черт на протяжении XX в., нагайбаки сумели сохранить этническое самосознание, формировавшееся на базе как минимум двух определяющих факторов – сословной и конфессиональной принадлежности. В настоящее время первый из них утрачен, а второй не может быть маркером этнической идентичности, поскольку большинство окружающего нагайбаков населения исповедует ту же самую религию. В-четвертых, уместна постановка вопроса: какие культурные факторы реально подкрепляют этническое самосознание нагайбаков? Согласно полевым данным, необходимо выделить следующие важные признаки их этнической идентичности: осознание кровнородственных связей с представителями своего народа (даже если человек

живет за пределами района и не имеет ближайших родственников в нагайбакских селениях, он должен знать (и, как правило, знает), откуда его предки), владение в любой степени нагайбакским языком (хотя бы на уровне понятий и терминов), знание основных элементов этнической культуры и осведомленность в общественных событиях в жизни народа.

Кряшены и нагайбаки в течение последних десятилетий стали объектом внимания со стороны ученых, политиков и общественных деятелей. Интерес вызван решением вопроса об их этнической принадлежности. Отмечаются две позиции, согласно которым кряшены и нагайбаки являются либо отдельными этносами, либо составной частью татар Волго-Уральского региона. Аргументами сторонников первой версии служат религиозные и сословные отличия, ряд культурных особенностей, выраженное самосознание, собственная этнонимическая номенклатура. Основания для второй точки зрения – общая языковая принадлежность, единые этнические корни и ряд общетатарских черт культуры.

Самоидентификация нагайбаков – это позиционирование своей группы как отдельного народа с использованием этнонимов «керэшеннэр» и «нагайбаки». У касельцев и остроленцев сохранились со времен Восточного Закамья этникины «килий» и «сарашлы» соответственно, а в других селах сложились новые согласно современной топонимии – «фершамка», «парижлар», «требий», «астапый» (ПМА, Нагайбакский р-н). Чебаркульские нагайбаки также имеют локальные самоназвания, соответствующие местным топонимам, – «поповцы», «варламовцы» и т.п. Кроме того, у них существует еще один общеупотребительный эндоэтноним – «бакалы» (ПМА, Чебаркульский р-н), который изначально относится к локальным самоназваниям того же страта, что и подобные у верхнеуральской группы – «килий» и «сарашлы», ибо генетически они восходят к этниконам нагайбаков Восточного Закамья. Сейчас «бакалы» можно считать сформировавшимся самоназванием чебаркульской группы. Таким образом, общим эндоэтнонимом нагайбаков является «керэшеннэр», употребляемый как внутри групп, так и в общении с остальным татароязычным населением. Экзоэтноним «нагайбаки» используется при общении с представителями других народов, не говорящих по-татарски. У чебаркульской группы, несмотря на меньшую численность по сравнению с верхнеуральской, этнонимическая номенклатура более сложная, поскольку включает помимо крышенского и нагайбакского еще бакалинский и русский уровни самоидентификации.

Периодизация становления нагайбакской идентичности и основные выводы исследования

История формирования нагайбакской идентичности делится на три периода. Первый – с 1552 по 1736 г., когда на территории Казанской губ. происходили этнокультурные процессы, в результате которых возникли группы крещеного инородческого населения. Во многом они были еще связаны с казанскими татарами, что отражалось в языке и различных аспектах жизнедеятельности. По мере усиления влияния православия, культурная доминанта смещалась в сторону сближения с русскими. Проявлялось это везде по-разному, но суть трансформаций была одна. В итоге сформировался ряд территориальных групп инородческого христианизированного населения, обозначавшего себя конфессионимом «керэшеннэр», т.е. «крещеные». Вероятно, изначально среди них были различные этнические группы, но поскольку татарский компонент доминировал, то и языком общения стал татарский. Элементы материальной культуры настолько гибки, что сложилось несколько локальных

вариантов крышенской культуры в зависимости от этнического окружения. В данный период формирования идентичности нагайбаков считаем важнейшим факт христианизации их предков и усвоения этноконфессионима «керэшеннэр».

Второй период – с 1736 по 1843 г. Уфимская пров. в 1730-х гг. являлась восточной периферией расселения крышен, где сложилась локальная группа – «уфимские новокрещенные». Среди них было немало и старокрещеных [Рычков, 1762, ч. II, с. 206–208] казанских татар, переселенных сюда в связи со строительством Новой Закамской линии. В 1736 г. их перевели из ясачных в казаки и поселили в построенной в том же году Нагайбакской крепости, с. Бакалы и ряде окрестных деревень. Это второй важнейший факт в формировании этнического самосознания нагайбаков. Татары-казаки Нагайбакской крепости и округи постепенно отдалялись от соплеменников-неказakov. Для большего укрепления их в православии из этого региона выселили всех мусульман. В конце XVIII в., когда была проведена административная реформа Оренбургского казачьего войска, нагайбаки оказались в одних кантонах с казаками-русскими, в то время как другие инородческие группы казаков (башкиры, мешеряки и тептяри) были организованы в собственные войсковые подразделения [Асфандияров, 2005, с. 20]. Это, безусловно, повлияло на дальнейшее развитие нагайбакской идентичности.

К началу 1840-х гг. на территории Белебеевского уезда Уфимской губ. в станицах Нагайбакской, Бакалинской и др. в составе местных крышен окончательно сформировалась сословная группа казаков. В качестве эндоэтнонима продолжал использоваться общий для всех крещеных татар конфессионим «керэшеннэр». Вероятно, такая же ситуация была и в первой половине XIX в., поскольку названия «нагайбацкие казаки» и «казаки-нагайбаки» являлись экзогенными и воспринимались как русское обозначение. Итогом второго периода стало формирование у нагайбаков двухуровневого самосознания: этноконфессионального («керэшеннэр») и этносословного («казаки-нагайбаки»).

Третий период начался с 1843 г. и продолжается в настоящее время. В первую очередь здесь следует сказать о перемещениях нагайбаков и их последствиях. По плану войскового командования, всех казаков-нагайбаков переселили в три района новой дислокации: 1) Троицкий, 2) Верхнеуральский, 3) Оренбургский и Орский уезды [Бектеева, 1902, с. 180]. В последнем они были ассимилированы татарами-мусульманами [Там же, с. 180–181]. В Троицком и Верхнеуральском уездах новыми соседями нагайбаков стали русские и казахи. Здесь сложилась ситуация, которая повлияла на дальнейшее формирование нагайбакской идентичности. Нагайбаки Верхнеуральско-

го уезда расселились в пяти поселках с почти моноэтническим (кроме небольшого числа калмыков) населением. Это позволило им сохраниться как целостной этнокультурной единице. В то же время, согласно административному делению, нагайбакские поселки подчинялись разным станицам с русским населением, что способствовало интенсификации нагайбакско-русских контактов.

Во второй половине XIX – начале XX в. объект нашего исследования уже постоянно обозначается как «нагайбаки» [Небольсин, 1852, с. 21; Витевский, 1897, с. 439; Бектеева, 1902, с. 165; и др.], а не «старокрещенные татары-казаки». Вместе с тем оба названия часто используются вместе: «нагайбаки – крещенные татары» или «нагайбаки – крещенные татары-казаки» [Небольсин, 1852, с. 21; Витевский, 1891, с. 257; Толстой, 1876, с. 350–351; Чернавский, 1900, с. 128–129; Бектеева, 1902, с. 165; и др.]. Здесь отразился процесс трансформации самоидентификации нагайбаков. Уточнение об их происхождении скорее служит информацией для непосвященного читателя. Таким образом, во второй половине XIX в. название «нагайбаки» было одновременно обозначением и прежней сословной, и нарождающейся этнической принадлежности.

Итогом этнотрансформационных процессов второй половины XIX – начала XX в. у нагайбаков стали события 1920-х гг. Безусловно, это связано со сменой политического режима. Вновь, как почти 200 и 80 лет назад, в истории нагайбаков решающую роль играет государство. Воздействия на их этническую идентичность различных общественно-политических событий 1920-х гг. и всех последующих десятилетий весьма противоречивы. Отмена сословий и антирелигиозная политика, казалось бы, должны были уничтожить основания этнической идентичности нагайбаков. Однако в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. они зафиксированы как отдельный народ СССР и в качестве этнонима выбрано название «нагайбаки». Это еще раз подтверждает, что к началу XX в. данное обозначение, использовавшееся до 1843 г. вместе со словом «казаки» и являвшееся исключительно соционимом, становится этнонимом.

Другим важнейшим государственным актом является создание в 1927 г. Нагайбакского р-на. Известно, что в то время по всей стране создали множество национальных районов и сельсоветов для народов, численность которых не позволяла организоваться в республику или национальный округ. Однако уже через десять лет почти все они были упразднены. Это совпало с сокращением перечня национальностей СССР во время Всесоюзной переписи населения 1936 г. По какой-то причине нагайбаки, оказавшись лишенными собственного этнонима (как и большин-

ство остальных малочисленных народов страны), не утратили права на национально-территориальное образование. Создание и сохранение национально-административной единицы можно считать еще одним и последним в истории народа событием, внесшим весомый вклад в фундамент нагайбакской идентичности. Нагайбаки прошли исторический путь от сословной группы – крещенных татар-казаков Уфимской пров. – до этноса, проживающего ныне в основном в Нагайбакском и Чебаркульском р-нах Челябинской обл.

Список литературы

- Асфандияров А.З.** Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). – Уфа: Китап, 2005. – 256 с.
- Атнагулов И.Р.** Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 149–159.
- Атнагулов И.Р.** Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – Вып. XVI, № 2. – С. 390–396.
- Атнагулов И.Р.** Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007а. – 244 с.
- Атнагулов И.Р.** Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007б. – Вып. XVIII. – С. 305–312.
- Бектеева Е.А.** Нагайбаки: (Крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – 1902. – Вып. II. – С. 165–181.
- Витевский В.Н.** Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Тр. IV Археол. съезда в России, г. Казань, 31 июля – 18 авг. 1877 г. – Казань, 1891. – Т. II. – С. 257–286.
- Витевский В.Н.** И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Казань: [Литотип. В.М. Ключникова], 1897. – Т. I. – 616 с.
- Всероссийская перепись населения 2002 г.** – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: ноябрь 2008 г.).
- Всероссийская перепись населения 2010 г.** – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения: декабрь 2013 г.).
- Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб.: Изд-во К.В. Миллера, 1776. – Ч. II: О народах татарского племени. – С. 75–84.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. I: А–З. – 699 с.
- Журнал** или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1770. – 189 с.

Записки путешествия академика Лепёхина. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1821. – Ч. 1, 2. – 554 с. – (Полн. собр. ученых путешествий по России; т. III).

Записки путешествия академика Фалька. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1824. – Ч. 1. – 560 с. – (Полн. собр. ученых путешествий по России; т. VI).

Исхаков Д.М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казачков). – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995. – С. 4–18.

Небольсин П.И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. – 1852. – Ч. IV, кн. I. – С. 1–34.

Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. – СПб.: [Тип. Департамента военных поселений], 1843. – 47 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1762. – Ч. I. – 331 с.; Ч. II. – 262 с.

Список населенных пунктов Уральской области / под общим рук. А.М. Плешкова, М.П. Антонова; под ред. И.Н. Гридина, А.А. Колупаева, Ф.Н. Лебедева. – Свердловск: Орготдел Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. – Т. XIII: Троицкий округ. – 86 с.

Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. – Оренбург: [Тип. Б. Бреслина], 1891. – 249 с.

Толстой Д. Отечественная церковь в 1874 году: Распространение и утверждение веры и религиозная жизнь // Оренбург. епарх. ведомости. – 1876. – № 10. – Отд. офиц. – С. 349–356.

Чернавский Н.М. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. – Оренбург: [Тип. Оренбург. духовной миссии], 1900. – Вып. I. – 346, VI с. – (Тр. Оренбург. учен. арх. комиссии; вып. VII).

Материал поступил в редколлегию 26.09.14 г.